

разговорной речи (см. стр. 325), увеличив число примеров для перевода с русского на латинский язык, авторы уже тем самым ввели элементы «активного» усвоения латинского языка учащимися, но не довели своей попытки до конца, остановившись перед необходимостью создания (хотя бы на базе подлинных текстов) искусственно подобранных фраз. Авторы побоялись «перевернуть» свой учебник — сначала поставить текст и из него вывести наблюдения над структурой языка, вывести законы морфологических и синтаксических явлений, короче говоря, авторы еще в плену у античных грамматиков, от чего, конечно, давно пора отойти.

Можно пожалеть, что издательство не снабдило учебник перечнем опечаток (правда, не столь уже значительных), что авторы не развили упражнений в чтении (по фонетике — стр. 23), можно отметить отдельные спорные вопросы, но суть не в этих недочетах, а в основном: в учебнике есть теоретический курс и есть хрестоматия, но нет систематически подобранных примеров, упражнений, текстов для закрепления теоретического материала.

Таким образом, использование этого издания учебника будет сопряжено с теми же затруднениями, с какими было сопряжено использование первого издания, а также и учебника Попова и Шендяпина — с отсутствием систематического, по рабочему плану, подобранных фраз и текстов для закрепления грамматического материала или для наблюдений над грамматическими явлениями. Между тем, несмотря на наличие изданных за последнее время пособий, как раз в «учебниках», т. е. в текстах для упражнений, и испытывают нужду преподаватели латинского языка. Дело еще осложняется и тем, что положение с кадрами преподавателей латинского языка даже в лингвистических вузах далеко не благополучно — разрыв между старшим и младшим поколениями латинистов свыше 25 лет, обмена опытом нет, методика преподавания не разработана, во многих вузах отсутствуют кафедры классических языков (их часто присоединяют то к кафедрам общего языкознания, то к кафедрам вообще иностранных языков и т. д.).

Потребность в учебнике весьма настоятельна, а новое издание не соответствует выросшим требованиям к учебнику, да и Министерство высшего образования не дало еще настоящей программы латинского языка для университетов.

А. В. Донников

Хр. М. ДАНОВ. *Западният бряг на Черно море в древността*, София, 1947, 147 стр.

Ряд работ, посвященных истории Фракии, Мёзии и греческих городов западного побережья Черного моря, вышедших в послевоенный период в Болгарии, говорит о возросшем интересе болгарских ученых к вопросам древней истории своей страны. Рецензируемая работа профессора Хр. М. Данова представляет большой интерес не только потому, что она подводит некоторый итог многолетним исследованиям автора по вопросам Западного Причерноморья в древности, но еще и потому, что в ней отразились некоторые новые тенденции, характерные для последних работ и других прогрессивных болгарских историков-антиковедов. Тенденции эти заключаются в интересе болгарских историков к вопросам классовой борьбы в древности, которые раньше совершенно не освещались в болгарской исторической литературе. Особенно характерна в этом отношении статья Д. П. Димитрова «Революционные брожения в Тракия и Мизия през римско време»¹, в которой автор указывает на широкое развитие «разбойничества» во II и III веках н. э. во Фракии и Мёзии. Как убедительно доказывает Димитров, «разбойники» латинских и греческих надписей исследуемых областей это — беглые рабы, вольноотпущенники, разоренные крестьяне и обедневшие горожане, против которых во II и особенно в III в. римское правительство вынуждено было предпринимать самые решительные меры. Автор статьи делает вывод о глубоких классовых

¹ Ист. преглед, 1946/47, кн. 1, стр. 35—52.

противоречиях во Фракии и Мёзии в римское время. Другой болгарский исследователь Я. Тодоров в последней своей статье «Очерк на античната цивилизация в България през времето на римските императори»¹, также обращает особое внимание на различные смуты и выступления, которые возникали во Фракии в результате напавших на местным населением, обремененным данью и повинностями в III веке н. э.

Интерес к социальной истории проявляется и автором рецензируемой книги. Проф. Данов привлекает свидетельство Аристотеля для характеристики внутренней борьбы в Истрии в конце V — начале IV вв. до н. э., завершившейся переходом от олигархии к демократии (стр. 51). На основании разбора надписей из Истрии Данов говорит о расслоении в городе, междоусобицах и борьбе партий в III и II веках н. э. Вопросов социальной борьбы проф. Данов бегло коснулся в статье «Впечатленията на двама очевидци от Тракия през II век от нашата ера»². Таким образом, вопросы классовой борьбы в древности включены болгарскими историками в круг разбираемых проблем; это обстоятельство безусловно связано с теми демократическими преобразованиями в Болгарии, которые повлияли на всю культурную жизнь страны.

Книга Данова знаменательна и в другом отношении. До выхода ее в свет в исторической науке не имелось специального труда, посвященного истории Западного Причерноморья. Автор сумел восстановить ход исторических событий в этих областях. Книга делится на две части. В первой из них, служащей как бы введением (стр. 10—29), дается краткий обзор передвижений ахейских, иллирийских и дорийских племен в XIII—XII вв. до н. э., который дает общую картину исторических событий, предшествовавших началу «великой греческой колонизации» VIII—VI вв. до н. э. Вторая часть (стр. 29—143) непосредственно относится к истории колонизации греками западного берега Черного моря; здесь сообщаются сведения по истории Милета и Мегар — двух городов, игравших наиболее значительную роль в колонизации западного берега Черного моря. Сюда же включена основная часть работы — история девяти греческих колоний на фракийском берегу Черного моря. Автор выделяет основные факты, которые составили каплю внешнеполитической истории Западного Понта. Это — поход Филиппа II Македонского в северо-восточную часть Балканского полуострова; поход Лисимаха против Истрии, Каллатиса и Одесса (313—312 гг. до н. э.); выступление Византия против Истрии и Каллатиса, связанное с борьбой за город Томи; образование Кельтского царства с центром в городе Тиле; союз западнопонтийских городов с Митридатом VI Понтийским и их борьба против Лукулла; наступление готских племен под руководством Биребисты на западнопонтийские города в середине I в. до н. э.; римское завоевание и связанные с ним походы римских полководцев в Западный Понт; наступление готов в середине III в. н. э. Все эти события, в большей или меньшей мере затронувшие города Западного Понта, разобраны автором с максимальной тщательностью.

В конце работы Данов отводит несколько страниц вопросу о *κοινόν* — союзе западнопонтийских городов. Автором использованы многочисленные надписи, опубликованные сравнительно недавно и большей частью не использованные еще в исторических исследованиях. Глубокая эрудиция позволила проф. Данову многие из надписей датировать иначе, чем это делали издатели; при датировке надписей автор исходил не только, как это часто принято, из чисто эпиграфических указаний, но и из всевозможных исторических данных, которые так или иначе могли служить датировкой и объяснением надписи. Умелое использование материала надписей может служить примером того, как следует использовать данные эпиграфики для исторических исследований. Автор пользуется и данными нумизматики.

На основании главным образом эпиграфических данных проф. Данов сумел восстановить ход внешнеполитических событий, дать характеристику административного устройства каждого из западнопонтийских городов и краткий обзор религиозных воззрений их жителей. Не менее положительно следует оценить постановку ряда важных

¹ Там же, 1948/49, кн. 3, стр. 257—271.

² Там же, 1946/47, кн. 4—5, стр. 538.

проблем и вопросов: проблема экономических и культурных взаимоотношений между греческими городами-колониями и местными племенами; вопрос о связях (главным образом торговых) между Западным и Северным Причерноморьем; вопрос об этническом составе греческих городов, об их взаимоотношениях с римской властью и некоторые другие.

При всех своих положительных сторонах книга страдает, однако, рядом существенных недостатков, свидетельствующих о том, что автор не сумел до конца преодолеть традиций буржуазной историографии и стать на путь исторического материализма. Это сказалось прежде всего в том, что Хр. М. Данов не уделяет в своей работе должного внимания вопросам экономического развития западного побережья Черного моря в древности. Он ограничивается лишь весьма беглыми указаниями на торговые связи некоторых из разбираемых им греческих городов. Вопрос о торговых связях для западнопонтийских городов, хотя и имеет важное значение, но даже освещенный значительно шире, чем это сделано в рецензируемой книге, не охватывает всего комплекса экономики греческих колоний: их сельского хозяйства, ремесленного производства и уровня развития производительных сил. Археологические изыскания на фракийском побережье Черного моря, проводимые с начала XX века в Болгарии, дают достаточно материала для того, чтобы осветить эти вопросы¹. Если относительно греческих городов сообщаются некоторые данные об их торговле, то относительно экономического развития местных племен автор не говорит ни слова. Между тем совершенно неправильно рассматривать историю западного берега Черного моря изолированно от истории основного населения этих земель во всей полноте их экономического, политического и социального развития. Книга Данова совершенно не объясняет, в силу каких причин окружающие греков племена фракийцев, скифов и др. поддерживают их в одних случаях, нападают и грабят в других. Политическая история Западного Причерноморья, изложенная профессором Дановым вне связи с экономической историей, не имеет своей базы, висит в воздухе, ибо экономическое развитие общества является основой и существом развития всякого общества.

Вторая принципиальная ошибка автора непосредственно связана с первой. Автор не отметил того, что западнопонтийские города были рабовладельческими и полисами, то есть, не отметил рабовладельческого характера общества, которому посвящена книга. Между тем именно там, где были развиты торговля и денежное обращение (как это было в греческих городах Фракийского побережья), рабовладение получило широкое распространение. Автор не останавливается на этом кардинальном вопросе и только в заключительных замечаниях вскользь упоминает, что в греческих колониях существовало рабство (стр. 135). Между тем в нашем распоряжении имеются источники, говорящие о развитии рабовладения в западнопонтийских городах, о существовании там эргастериев и о сдаче рабов в аренду особым подрядчикам, использовавшим их при постройке общественных зданий (например, надпись дионисийского фиаса из Каллатиса III в. до н. э.).

Касаясь социальных противоречий в греческих городах, проф. Данов останавливается почти исключительно на антагонизме отдельных группировок внутри господствующего рабовладельческого класса, оставляя без внимания основное противоречие античного общества: борьбу между рабами и рабовладельцами².

¹ Профессору Данову, перу которого принадлежит специальная статья «Из древнато экономической истории на Западното Черноморие до установяването и на римското владичество» (Изв. Болг. арх. инст., 1939, № 12) было тем более легко осветить экономические вопросы и использовать те выводы, к которым он пришел раньше, в рецензируемой работе.

² В своих последних работах, помещенных в журнале «Исторически преглед» в 1948—49 гг. (кн. I, стр. 59—71 и кн. 3—4, стр. 407—417), проф. Данов занимается вопросами социально-экономического развития Фракии в I—V вв. до н. э. и развития рабовладения в Балканских землях в античную эпоху. Эти новые исследо-

Таковы основные общие возражения по книге Хр. М. Данова. Перейдем к отдельным замечаниям по частным вопросам. Принцип построения книги по отдельным городам-колониям вызывает возражения. На наш взгляд, следовало бы рассматривать историю западного берега Черного моря в целом по определенным историческим эпохам. Такое изложение дало бы автору более широкие возможности при изложении экономических и политических связей греческих городов между собой и с соседними племенами.

Во введении автор проводит аналогию между современной колонизацией и колонизацией в античную эпоху. Такое сопоставление недопустимо и в силу коренного различия социально-экономических отношений сравниваемых эпох, и в силу полного отсутствия общих черт между сравниваемыми явлениями.

Прежде чем перейти к освещению событий VIII—VI вв. до н. э., автор справедливо ставит вопрос о причинах греческой колонизации. Они заключаются, по мнению проф. Данова, в том, что родовой строй не мог удовлетворить потребностей большинства населения, росло число немущих и безземельных, готовых пройти весь свет в поисках лучшей доли (стр. 24). Отмеченная автором причина греческой колонизации является лишь следствием тех глубоких изменений в способе производства материальных благ, которые произошли уже в гомеровское время. Проф. Данов упоминает о развитии производства в эпоху, предшествующую греческой колонизации (стр. 20). Это развитие необходимо поставить в связь с ростом и укреплением рабства в Греции, с ростом имущественного неравенства среди свободных, с обезземелением и обнищанием части греческого населения.

Нам представляется неверным утверждение автора о том, что греческая колонизация повела к повышенному и крайне обостренному «национальному» сознанию у греков и о том, что сознание греков о превосходстве их культуры объяснялось отсутствием у окружающих их народов чего-либо, что заслуживало бы подражания (стр. 28). Влияние окружающих племен ярко сказалось в религиозных представлениях западно-понтийских греков, пантеон которых был пополнен божествами местного фракийского происхождения ('Hρως, Дарзалас — великий бог Одесса, которому поклонялись и в других западнопонтийских городах). Сказалось сильное влияние окружающей греков среды и на варваризации их языка. Овидий жалуется на то, что его не понимают жители Томи (знание Овидием греческого языка не подлежит сомнению). Как известно, Овидию пришлось написать стихотворение на гетском, а не на греческом языке, для того, чтобы быть понятым в Томи. Греческие надписи из городов фракийского побережья Понта имеют множество локальных особенностей, в которых нельзя не усмотреть влияния варварского языка. Месяются и формы быта, в частности одежда: греки носили варварский костюм. Мы думаем, что подобно тому, как это было в Северном Причерноморье, влияние местных племен сказалось и на ремесленном производстве западнопонтийских городов. Автор сам расходится с высказанным им положением и в дальнейшем своем изложении, так же как и в заключительных замечаниях, указывает на варваризацию греческих городов (начиная с середины I в. до н. э.). То обстоятельство, что в различные острые внешнеполитические моменты (например, во время похода Лисимаха на Истрию, Каллатис и Одесс; во время выступления против Антония Гибриды в 62 г. до н. э.) фракийцы, скифы и другие племена приходили на помощь грекам, вступали с ними в союз против угрожающего им неприятеля, свидетельствует об общих интересах, которые появлялись у местной племенной знати и греков-колонистов.

Автор считает, что роль римских и романизованных элементов в греческих городах в римскую эпоху была незначительна (стр. 110). Между тем ряд надписей свидетельствует о том, что римляне играют большую роль в руководящих учреждениях греческих городов. Надпись некоего Ульпия Лонгина сообщает, что он был *ex dec[urione] vet[erano] bul[ebat] Tomitan[orum]* (CIL, III. 770), так же как и другие римляне-ветераны

вания во многом дополняют рецензируемую работу. Было бы очень желательно выводы новых работ проф. Данова включить в текст книги, если она будет переиздана.

(АЕМ, VI, Тоѳілеску, № 1); архонтом-эпонимом в 201 г. н. э. в Тире был римлянин П. Элий Кальпурний, как сообщает надпись в честь Коккея; эта же надпись упоминает двух романизированных греков, которые были архонтами; среди 17 имен влиятельных Граждан, упомянутых в качестве свидетелей в той же надписи из Тире, — 6 носят греко-римские имена (IOSPE, 1², 2).

Также кажется нам не совсем правильным утверждение, что *κοινόν* — союз западнопонтийских городов — имел чисто сакральные цели (стр. 133). Уже то обстоятельство, что во главе союза стоял экономически более сильный город — Томи, а не Каллатис, который в это время был ведущим в культурном отношении, указывает на то, что не только культовые соображения играли роль в создании союза. Это становится совершенно очевидным в более позднее время (с Коммода), когда на монетах западнопонтийских городов появляются буквенные обозначения ценности монет (A, B, Γ, Δ, E), квалифицирующие монеты этих городов соответственно в одну, две, три, четыре и пять единиц. Монеты, имеющие одинаковое буквенное обозначение, совпадают по весу. Очевидно, создание союза преследовало не только культовые цели, но и торговые: создание монетной конвенции с тем, чтобы облегчить монетное обращение каждого города на территории всего западнопонтийского союза.

На странице 71-й автор говорит о том, что мёзийская земля после похода Красса смирилась и была подготовлена, чтобы быть превращенной в римскую провинцию. Ряд обстоятельств заставляют нас отнестись критически к высказанному здесь Дановым утверждению. Как нам представляется, племена Мёзии принимали участие в паннонско-далматинском восстании 6—9 гг. н. э. и в тех фракийских восстаниях против римлян и их ставленников, которые произошли в 20-х годах I в. н. э.

Г. Златковская

ПРОБЛЕМЫ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вопрос о поздней Римской империи постоянно вызывал огромный интерес у историков самых различных направлений. Это неудивительно, ибо существо его составляет проблема кризиса и падения одного из самых могущественных государств мира. Представители разных классов и разных исторических эпох по-своему ставили и решали вопрос о поздней Римской империи — в нем постоянно чрезвычайно остро претолкались политические и классовые тенденции и стремления. Уже гуманист Петрарка, мечтавший о «восстановлении» Римской республики, видел причину падения Римского государства в тираническом правлении императоров, начиная с Юлия Цезаря; Макиавелли, со страхом наблюдавший рост захватнических стремлений заальпийских государств по отношению к Италии, своеобразно обращал свои опасения в прошлое и утверждал, что варварское вторжение погубило Римскую империю. Антифеодалы и антиклерикальные выступления в XVIII в. породили вольтеровскую концепцию Римской империи, развитую затем Гиббоном. По мнению Гиббона Римская империя представляла собою вырождающееся государство, упадок которого был вызван распространением христианства, ослабившего мечтой об аскетизме римскую доблесть.

Несмотря на антиклерикальный характер, концепция Вольтера и Гиббона в своем чистом виде уже не могла удовлетворить либеральную историографию конца XIX в. В это время в буржуазной историографии (особенно русской: П. Г. Виноградов, М. И. Ростовцев, Д. М. Петрушевский) были предприняты попытки рассмотреть социальные причины падения Римской империи. Тогда эти причины видели в росте поместий за счет городской промышленности и торговли, в распространении натурального хозяйства. Однако и концепция этих историков не была последовательно материалистической. Предприняв первую в мировой исторической литературе попытку систематического